
Опыт Александрийской библиотеки в контексте экономики знаний

© 2021 г. М.Ю. Опенков^{1*}, Е.В. Кудряшова^{2**}, Л.А. Жгилева^{3***}

^{1, 2, 3} Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, 163002, набережная Северной Двины, д. 17.

* E-mail: kotobarz@gmail.com

** E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

*** E-mail: larsamor@gmail.com

Поступила 09.03.2020

В статье рассматривается новое представление о знании, которое возникает как результат активного взаимодействия представителей научного сообщества и бизнес-корпораций. Авторы проводят анализ возможного варианта взаимодействия бизнеса и научного сообщества в рамках обновленной информационной среды – викиномики, описанной Доном Тапскоттом и Энтони Д. Уильямсом. Высказывается предположение, что мировое научное и интеллектуальное пространство способно объединиться и развиваться в виде новой формы – виртуальной Александрийской библиотеки. Авторы рассматривают систему Александрийского Мусейона, состоящего из музея, библиотеки и храма наук, которая способствовала сотрудничеству ведущих ученых, их воспитанников и прогрессу научного знания. Феномен античного мусейона характеризуется как космос. Средневековый энциклопедизм, формировавший иную, новую картину мира, представлен примером творчества Исидора Севильского – святого покровителя компьютеров, компьютерщиков и пользователей Интернета. В статье показано, что опыт Александрийской библиотеки идет дальше, чем современная архивация знания, и касается процессов создания и развития знания в целях прогрессивного развития науки и технологий. Эра коллаборативной науки ускоряет темпы развития науки и образования, осуществляется поиск новых решений нестандартных проблем. Закрытые иерархические подходы к производству и использованию знаний уходят в прошлое. Расширяется и усложняется практика научного сотрудничества, основанного на открытости, пиринге и обмене информацией. Авторы приходят к выводу, что сегодня происходит формирование нового единого космоса знания. Способность к самоорганизации усиливает человеческие возможности находить, доставлять, сортировать, оценивать, отбирать знания, увеличивать и развивать их. Ученый должен гармонично включиться в этот процесс и стать конкурентоспособным, иначе он потеряет себя в цифровом и научном мире. Площадкой коллаборации может стать сеть университетов и академических структур. В кризисных ситуациях такая сеть способна обеспечить непрерывную трансляцию знания.

Ключевые слова: Александрийская библиотека, Мусейон, викиномика, экономика знаний, научное сотрудничество, академическая коллаборация, философия науки, Исидор Севильский, Дон Тапскотт, Энтони Д. Уильямс.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-44-54

Цитирование: Опенков М.Ю., Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Опыт Александрийской библиотеки в контексте экономики знаний // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 44–54.

The Experience of the Library of Alexandria in the Context of Knowledge Economy

© 2021 Mikhail Yu. Openkov^{1*}, Elena V. Kudryashova^{2**}, Larisa A. Zhgileva^{3***}

^{1,2,3} Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation.

* E-mail: kotobarz@gmail.com

** E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

*** E-mail: larsamor@gmail.com

Received 09.03.2020

This paper dwells on a new concept of knowledge emerged as a result of active collaboration between the scientific community and business corporations. The authors analyse a possible mode of interaction between business and scientific community within the framework of an upgraded information environment – wikinomics – described by Don Tapscott and Anthony D. Williams. It is suggested that the global scientific and intellectual space can merge and develop in a new form: a virtual Library of Alexandria. The authors study the system of the Mouseion at Alexandria, which included a museum, a library and a research institute and facilitated the collaboration among leading scholars and their students as well as the progress of scientific knowledge. The phenomenon of ancient mouseion is characterized here as a cosmos. Medieval encyclopaedism, which shaped a different, novel worldview, can be found in the works of Isidore of Seville, patron saint of the Internet and computers. The article demonstrates that the experience of Alexandria Library goes beyond the modern archiving of knowledge and concerns the processes of knowledge generation and development for further scientific and technological progress. The authors conclude that today a new single cosmos of knowledge is being formed. Self-organization skills enhance human ability to find, deliver, sort, evaluate, select, increase and develop knowledge. A scientist has to join gradually in this process and to be competitive in order to stay afloat in both the digital and the scientific world. A network consisting of universities and academic institutions can become a collaboration platform. In a crisis situation, such a network is able to provide continuous transmission of knowledge.

Keywords: Library of Alexandria, Mouseion, wikinomics, knowledge economy, scientific cooperation, academic collaboration, philosophy of science, Isidore of Seville, Don Tapscott, Anthony D. Williams.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-44-54

Citation: Openkov, Mikhail Yu., Kudryashova, Elena V., Zhgileva, Larisa A. (2021) "The Experience of the Library of Alexandria in the Context of Knowledge Economy", *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 44–54.

Одной только технологии недостаточно – этот постулат записан в генах компании «Apple». Наша технология повенчана со свободными искусствами, с гуманитарными науками, отсюда и результат, который побуждает петь наши сердца.

Стив Джобс

Вопрос о роли и значении знаний в современном обществе интересен потому, что размышление о нем всегда порождает множество интерпретаций. Употребление понятия «экономика знаний» адресуется не только к дефинициям производства, но и к терминологии гуманитарных наук. Сегодня формируется иное представление о знании, которое позволяет пересмотреть традиционное понимание научной деятельности. Речь идет о сетевом сотрудничестве науки и бизнеса, сферы интересов которых пересекаются, а производство знаний в этой среде приобретает значительное ускорение. Новые практики производства распространяются по всему миру.

Исследования процессов формирования и развития экономики знаний ведутся в области различных научных направлений. Традиционно являясь наиболее привлекательным для экономических наук и управления, интерес к вопросу перемещается в социальные, гуманитарные и технические науки. Например, по информационному запросу по словосочетанию «knowledge economy» в базе данных Web of science результат поиска за период с 2016 г. насчитывает 4412 документов (Результаты запроса от 9 марта 2020 г.). В пятерку наиболее популярных категорий входят «экономика», «управление», «бизнес», «исследования в области образования» и «экология». Между тем, не менее интересные публикации представлены в категориях «компьютерные науки (computer science theory methods)», «история», «лингвистика», «антропология» и «философия». Организации – лидерами в исследовании указанного вопроса выступают Лондонский университет, Бухарестский университет экономических исследований, Квинслендский технологический университет.

Специалисты-философы в контексте исследования экономики знаний обращаются к вопросам формирования экономики знаний [Young 2015; Kravchenko, Kyzumenko 2019], самоидентификации и саморазвития личности в экономике знаний [Marshall 2006], доступности знаний в рамках университетского сообщества [Azagra-Caro 2012], роли библиотек в системе становления экономики знаний [Neal 2016].

В данной работе мы анализируем возможный вариант взаимодействия бизнеса и научного сообщества в рамках обновленной информационной среды – викиномики, описанной Доном Тапскоттом и Энтони Д. Уильямсом [Тапскотт, Уильямс 2009]. В качестве базовой концепции выступает предположение, что мировое научное и интеллектуальное пространство способно объединиться и развиваться в виде новой формы – виртуальной Александрийской библиотеки.

Древний Египет был страной древней культуры и коллекций. Именно там, в Пролемеевскую эпоху, в начале III в. до н.э. был основан Александрий Мусейон (Храм Муз) – культурный центр эпохи эллинизма, совмещавший в себе библиотеку, музей, храм и дом наук.

«Историческая заслуга Птолемея состояла в том, что они впервые решили стимулировать научную деятельность ради нее самой. В частности, путем создания государственных учреждений, которые создавали благоприятные условия для научной работы. Трудно догадываться о субъективных причинах, побудивших Птолемея занять такую позицию. Считается, что большую роль в этом вопросе сыграли рекомендации перипатетика Деметрия Фалерского, переселившегося в Александрию», – отмечает И.Д. Рожанский [Рожанский 1988]. Идея мусейона не явилась изобретением Деметрия Фалерского, а была перенята им от перипатетиков, к которым он относил и себя. Перипатетики в свою очередь, переняли идею мусейона от пифагорейцев, для которых культ муз был символом исследований и развития научного знания. «Идея Аристотеля

и Теофраста заключалась в том, чтобы сгруппировать ученых и их воспитанников вокруг библиотеки и научных коллекций в целях сотрудничества, способствующего прогрессу науки. Деметрию Фалерскому оставалось только расширить этот план, опираясь на щедрость Птолемея, для того чтобы основать Мусейон и Библиотеку», – пишет А. Боннар [Боннар 1992]. Одной из основных задач, стоявших перед Деметрием Фалерским было приобретение литературы для библиотеки. Благодаря его усилиям, при финансовой поддержке Птолемея Филадельфа, у наследников Теофраста была выкуплена библиотека Аристотеля. Специальных тематических коллекций в библиотеке не создавалось. В нее поступала вся литература, которую было возможно достать: историческая, философская, медицинская, эпическая, драматическая, лирическая.

Единство александрийской культуры определялось тем, что все ее достижения стекались в один центр – Мусейон, сакральную территорию наук и искусств. Он носил характер университета, определявшего научный уровень александрийских школ. В стенах Мусейона возникло понятие классической греческой литературы. Здесь достиг расцвета круг общеобразовательных дисциплин, которые рассматривались как *пропедевтические* по отношению к высшему философскому образованию. Первоначальная несамостоятельность Мусейона по отношению к философии объясняется его зависимостью от представителей Афинской школы, последователи которой переселялись в Александрию из Афин и других городов старой Эллады. Мусейон также называют собранием религиозного характера. Совмещение светского и священного было частью политики Птолемеевской империи.

В стенах Мусейона сформировалась культура интеллектуальной элиты, которая гордилась критическим подходом к традиции, скептически воспринимая любые новшества. Ее особенности наложили отпечаток даже на область искусства и вдохновения. Иностранцы ученые, приехавшие в Мусейон, могли остаться в нем жить в течение нескольких лет на полном содержании, также получая разовые выплаты за выполняемые на заказ работы. Живя на государственном содержании, они получали возможность проводить свои исследования, пользоваться грандиозной библиотекой и, при желании, вести преподавательскую работу.

Среди ученых, работавших в Мусейоне, известен Каллимах – библиотекарь и поэт. Его трудами был составлен «Каталог писателей, просиявших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочинили», состоящий из 120 свитков (томов). Все работы были систематизированы по литературным жанрам, а внутри них – по достоинствам произведений. Ученые рассчитали: чтобы собрать в Александрии *книги всех народов земли*, понадобится пятьсот тысяч свитков.

Экстенсивность исследовательской работы была характерной чертой науки периода эллинизма. Во главу угла ставилось подражание образцам. Больше всего ценилось их удачное применение к масштабам и вкусам нового времени. Это свидетельствовало о том, что античная культура приобрела законченные формы, из становящегося живого организма сделалась материалом для представителей новой формации, обладавшей значительно меньшим творческим потенциалом, хотя и не меньшим трудолюбием.

Александрия была городом книжности и книжников. Страбон называл ученых Мусейона *филологами*, что для него означало вообще людей культуры. Филологом именовал себя и великий Эратосфен, *краса Мусейона*. С опорой на древнегреческое наследие философы Мусейона изучали мировую гармонию. Поклонение музам выражалось в форме различных научных и литературных занятий.

В Александрии существовала целая *культура компиляции*, в которой современники не видели ничего зазорного. Царь Филадельф собирал редкие книги с такой же охотой, как редкие растения и животных. В условиях, когда культурные ценности и знания о всевозможных предметах стекались в Александрию со всего мира, под влиянием аристотелевского подхода к науке вырабатывался тот экземплиаризм, который стал основной предпосылкой философии эклектизма. Александрийских ученых отличала настоящая страсть к систематизации и каталогизации, зачастую в ущерб непредвзятому изучению. Такие увлечения, как *парадоксология* и *парадоксография*, стремление изучать

и описывать *редкости*, должны были породить ощущение необходимости создания целостной системы мировоззрения и *сознательный поиск синтеза*. «Этот поиск, – как отмечает В.Я. Саврей, – воплотился в трудах мыслителей иудейской, неоплатонической и христианской школ Александрии» [Саврей 2011, 101].

Позднее, в Александрии, завоеванной римлянами, Мусейон продолжает играть роль культурного центра, влияя одновременно на духовный и культурный уровень царского двора. Однако науки отходят на второй план, уступая место образовательной миссии. Библиотека становится стражем наук, а не их потенциалом. Возвращается изучение философии и религии. Большое внимание уделяется переводам. Самым важным был знаменитый перевод «Семидесяти» – перевод на греческий язык священных еврейских книг, именуемых Ветхим Заветом [Боннар 1992].

Одним из значительных направлений деятельности ученых Мусейона и библиотеки стало разделение собранных в библиотеке произведений на подлинные и поддельные. В библиотеке имелись, и притом в большом количестве, апокрифические произведения. «Усердие собирателей всегда возбуждает пыл фальсификаторов», – напоминает А. Боннар [Там же]. Возглавил эту деятельность филолог Зенодот, который в ходе своей научной деятельности выявлял наиболее правильный текст гомеровских поэм, отмечая обеломом (знаком в форме веретена) стихи или отрывки, которые считал интерполяциями. Под руководством Зенодота осуществлялась работа с большим массивом греческой литературы. Так в Мусейоне зародилась критика текстов. «В то же самое время и в тех же самых кругах – отмечает А. Боннар, – можно было наблюдать создание словарей редких слов или слов, ставших архаическими, работ, содержащих комментарии или литературную критику грамматических трактатов, – всего того, что имело целью разъяснить и сделать более доступными литературу и язык, которые в течение пяти или шести веков создавали шедевры и тем прославили себя» [Там же].

В то же время над Александрийской библиотекой нависла серьезная и близкая угроза: библиотека Пергама. Это было в царствование Птолемея VIII, или Эвергета II, получившего прозвище Какергет (Злодей). «Этот странный Птолемей, имевший склонность к литературе и присвоивший себе среди других титулов титул “Philologos” (!), возродил корпорацию преподавателей Мусейона, и это был также он, тот, кто в соперничестве библиотек Александрии и Пергама, восстановившем их друг против друга, нашел небывалый прием борьбы. Он запретил вывоз папируса из Египта» [Там же]. Предполагалось, что это будет действенный способ поставить на колени соперничающую библиотеку, лишив ее самого удобного и обиходного материала для письма. В Пергаме отреагировали, усовершенствовав восточного происхождения технику выделки кожи (пергамен). Этому материалу и суждено было получить преимущества, когда много веков спустя изменилась форма книги. Конфликт имел более глубокие корни. Исследования в Пергаме были ориентированы по-иному, чем в Александрии. Ученые Пергама находились под влиянием стоиков. При изучении древних текстов они задавались вопросами и отвечали на них с непринужденностью, от которой у александрийских ученых «волосы вставали дыбом». В соответствии с их теорией отклонения от нормы, пергамцы оставляли в тексте любые странности. Их интересовало *скрытое* знание, таящееся *внутри* древних текстов, особенно у Гомера, *аллегория*, которая, по их словам, была спрятана в этих поэмах. «Даже такой гений, как Посидоний, – замечает Л. Канфора – рассуждал о Гомере с подобной точки зрения и утверждал, будто обнаружил между строк обеих поэм теорию приливов и отливов» [Канфора 2018, 56].

Следует отметить значительность Александрийской библиотеки, которую она не утратила и по сей день. Речь идет об институции, в которой сохранение и разрушение традиции едва отличимы друг от друга, об архиве, грозящем в жесте головокружительной самоликвидации полностью совпасть с собственным уничтожением. Александрийских ученых лучше всего характеризует выражение, которым Страбон описал Филита Косского – *поэт и критик*. Они занимались не только созданием литературных трудов, они вырабатывали принципы и методы первой западной текстологической критики.

Их ученость приобрела форму масштабного проекта, нацеленного на *сохранение, улучшение и исправление* трудов классических греческих авторов. Историю александрийского Мусейона можно рассматривать как историю развития исследований Античности.

Впредь, по всему греческому и римскому миру, произведения будут создавать и воспроизводить в том виде, который они приобрели в Александрии: предварять краткой аннотацией, излагающей их содержание, сопровождать критическим пометками на полях, разъясняющими темные и двусмысленные пассажи, если речь идет о стихах, то строки четко разделяются и нумеруются; к свиткам папируса, на которые копируется текст, крепится тонкая полоска пергамена (позднее римляне назвали ее *index* или *titulus*) с указанием названия и имени автора.

Едва ли можно подобрать более удачный термин для характеристики одновременно изменчивого и устойчивого предмета александрийского архива, чем тот, что во времена основания и развития библиотеки приобрел новое значение в качестве *terminus technicus* философского языка – *космос*. Это понятие играет центральную роль в стоицизме, который достиг в Александрии невиданного расцвета и который может быть назван в первую очередь учением о космосе. Вероятно, к этому времени влияние перипатетиков ослабло. Этическая и политическая доктрина стоиков состояла в том, что *множество людей, связанных между собой как бы узами общего гражданства*, формирует единый *большой город*, которым управляет единый закон. Библиотека, высшее достижение птолемеевского Египта, была архивом этого *мегаполиса*; сама форма собрания книг *отовсюду*, организованного согласно единому порядку, отражала форму эллинистического космоса, определявшегося стоиками как организованное *общество всех*. Нельзя не согласиться с Д. Хеллер-Розеном, который провозгласил, что космическая библиотека могла существовать только в Александрии [Хеллер-Розен 2018].

Традиции александрийского энциклопедизма в Средние века продолжил Исидор Севильский. В 1999 г. он стал святым покровителем компьютеров, компьютерщиков и пользователей Интернета ввиду того, что его «Этимологии» – это своеобразный средневековый Интернет в миниатюре. Затем он стал покровителем всех школьников и студентов. Особое место в средневековой культуре занимает 20-томный труд Исидора Севильского «Этимологии» (*Magnum opus*). Наследник римского научного подхода, он продолжил сущностную линию энциклопедизма, построенного на исследовании общих понятий и игре ума. В.И. Уколова отмечает, что «его энциклопедизм был концепцией культуры со своими основаниями, иерархией, носителями и законами,.. снимающей противоречия различных уровней культуры – материальной и духовной, интеллектуальной и охватывающей другие виды деятельности, что обеспечило концепции Исидора оптимистическое звучание» [Уколова 1989, 275–276]. Средневековое познание, в силу своей особенности органично включающее естественное и сверхъестественное, продуцировало особый способ чувствования и мышления. «Поскольку мир един и определен, сотворен Богом и управляется Им, от знания требовалось обобщение, унификация и определенность» [Там же, 201].

Исследователи предполагают, что адресатом работы был широкий круг образованных читателей, поэтому в трактате соединились циклы различных наук. Исидор не успел завершить свой главный труд, это сделал его ученик и соратник Браунилон, к которому обращено посвящение «Этимологий». Браунилон определил структуру произведения, разделив его на 20 книг, озаглавив части, произвел редактирование текста.

Исидора и его ученика интересовало то, что следует знать обо всем мире от начала и до конца, без всяких исключений. И «Этимологии» внесли в историю научной и философской мысли то новое, что можно назвать *мировоззрением*, представив картину мира, которой ранее не было. «Единый и определенный мир, сотворенный и управляемый Богом, требовал такого же обобщенного, унифицированного и определенного знания» [Харитонов 2006, 222].

Создававшими Александрийскую библиотеку эллинами руководила вдохновляющая идея объединения всех человеческих знаний и желание обмена ими ради дальнейшего

развития и процветания искусств, наук и государства в целом. Александрийская библиотека стала первым в мире крупнейшим образовательным центром, возможно даже первым университетом, а также местом рождения современной науки.

Информационный взрыв, произошедший во второй половине XX в., усиливающиеся информационные потоки, включившие новые объемы знаний, удваивающиеся каждые пять лет, – это реальность современности. Новая *Alexandrina* [Bibliotheca Alexandrina 2020], объединяя прошлое, настоящее и будущее, позволяет сегодня получать доступ к знаниям способами, о которых наши предки могли только мечтать.

«Когда новая, виртуальная Александрийская библиотека достигнет расцвета, она станет общей основой для сотрудничества, обучения и разработки новых решений, а современный Интернет будет выглядеть как букинистический магазин», – заявили в 2006 г. Д. Тапскотт и Э.Д. Уильямс [Тапскотт, Уильямс 2009]. Они показали, что традиционные библиотеки все больше теряют роль определителя трендов в развитии знания. С этой задачей теперь легко справляются интернет-магазины. Библиотеки же стали превращаться в хранилища сокровищ и могут сыграть свою роль в случае информационного апокалипсиса.

Противостояние культуры печатной книги и культуры электронных данных – это далеко не праздный вопрос, который до настоящего времени вызывает бурные дискуссии, в том числе среди хранителей знаний – профессиональных библиотекарей [Морщикина 2013; Опенков 2007]. Продолжаются поиски новых аспектов уникальности печатных изданий. Одновременно с этим медиа расширяют возможности обучения, позволяя писать, читать, слышать, чувствовать каждый раз по-новому. Можно найти много вариантов, как распорядиться этой возможностью. С самого начала повсеместной компьютеризации жизни люди вставали на защиту свободного получения информации, справедливо опасаясь, что информационные технологии могут перевести ее в элитарный статус или изменить стиль человеческого мышления. Например, по словам технического директора EOS-стартапа Block.one Дэна Ларимера, недавние блокировки видео о криптовалютах на YouTube указывают на то, что могущественные корпорации ввергают мир в тотальную цензуру. «Пришло время снова покупать бумажные версии книг, поскольку в цифровом мире их слишком легко уничтожить. Нужно принять за данность, что вы ничем не владеете и не контролируете ничего на своем телефоне. Мы все больше на пути к тому, что программное обеспечение будет лишь по эксклюзивному доступу» [Лаример 2020].

Как замечает В.В. Миронов, «электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем. Главная из них – возникшая уже сейчас проблема адаптации человека к значительно возрастающему количеству информации и изменению ее качества» [Миронов 2019, 17]. Современный человек вновь попал в платоновскую пещеру. Но сегодня – это пространство глобальной коммуникации. «Условием такой виртуальной, но не менее реальной прикованности выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых все в большей степени зависит, значительно ограничивая свою внутреннюю свободу. По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции» [Там же, 14]. Но, возражает таким подходам А. Барикко, цифровая революция – это «движение почти инстинктивное, резкий поворот мышления, реакция на шок двадцатого века. Интуиция велела бежать от этой разрушительной цивилизации, а путь к бегству был открыт в первых лабораториях computer science» [Барикко 2019, 338]. И вынести категоричный вердикт невозможно. Гораздо более эффективным видится путь поиска новых ракурсов осмысления роли информационных технологий, формирования новых гипотез, введения в научный оборот новых идей.

Если посмотреть на опыт Александрийской библиотеки, то он идет дальше, чем современная *архивация* знания, и касается процессов создания и развития знания в целях прогрессивного развития науки и технологий. Приходит новая, коллаборативная наука, которая, по мнению исследователей, способна ускорить темпы развития науки и образования. Открытые источники информации и новые услуги, оказываемые в сети

Интернет, «передадут безразмерные объемы знаний в руки людей и позволят создать глобальные пиринговые сообщества», отмечают Д. Тапскотт и Э.Д. Уильямс в нашей работе «Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все» [Тапскотт, Уильямс 2009]. Случаются ситуации, когда научное сообщество еще не готово принять измененные формы коллективного взаимодействия. А в этот момент бизнес-корпорации уже пересматривают свои взгляды на место и роль научного знания и методы конкурентной борьбы. «Даже жесточайшие конкуренты находят выгоду в сотрудничестве, которое создает и расширяет рынок для новых продуктов и услуг. Компании и научные сообщества могут использовать массовое сотрудничество для того, чтобы фундаментально изменить мир» [Там же]. Закрытые иерархические подходы к производству и использованию знаний уходят в прошлое. Сегодня **«знания становятся продуктом сетевого сотрудничества людей и организаций, находящихся в поиске новых решений нестандартных проблем»** [Там же].

В своих последних работах британский социолог Стив Фуллер указывает на оборотную сторону этого процесса: «Ученые чувствуют себя польщенными, когда речь идет о *менеджменте знаний*. Они думают, что это словосочетание подчеркивает центральную роль университетов в обществе. На самом деле это означает, что все общество переполнено производителями знаний, среди которых у университетов нет никаких привилегий. Ученых застали врасплох, потому что они традиционно относились к знанию как к чему-то самоценному, что имеет смысл искать, невзирая на цену и последствия. Эта позиция имела смысл, когда университеты были элитарными заведениями, и независимые исследователи были людьми досуга. От сегодняшнего университета ожидают, что он будет заниматься раздачей квалификаций и будет двигателем экономического роста. Ученые утрачивают полный контроль над собственными стандартами производительности» [Фуллер 2018, 36–37].

В то же время *движение за открытую науку* стремится к миру, где исследователи смогут решать свои проблемы в сотрудничестве друг с другом, публикуя лабораторные записи в открытом доступе в Интернете. Наука все чаще затрагивает вопросы, которые становятся все сложнее, и поэтому нуждается в более тесном сотрудничестве ученых. Сегодня на эту территорию вступает бизнес. «Сотрудничество, публикация информации, пиринговое распространение доконкурентной информации сейчас, при экономике, основанной на знаниях, становятся средствами достижения успеха» [Тапскотт, Уильямс 2009]. Ведущей силой в этих изменениях выступают коммуникация и оцифровка информации. Электронная информация может быть доступной другим людям, использоваться в перекрестных ссылках в самых разных целях, как никогда ранее. При сетевом сотрудничестве организаций, компаний и сообществ интересы пересекаются независимо от рамок конкретных дисциплин, скорость создания знаний увеличивается. Формируется состояние «викиномики». Д. Тапскотт выделяет два основных ее тренда. «С одной стороны, расширяется практика применения массового сотрудничества. Экспериментальные ниши сменяются большими рабочими пространствами, где взаимодействие происходит уже на промышленном уровне. Во-вторых, эта практика усложняется. Люди находят совершенно новые формы взаимодействия в новых областях и на своем примере доказывают эффективность совместной работы» [Там же]. По мнению Д. Тапскотта, «шансы “викиномики” на дальнейшее развитие заключаются в ее способности стать универсальной экономической моделью. Но эта универсальность возможна только при общедоступности. Каждый должен иметь средства вики-производства: доступ в интернет и технологические устройства. Технологии тренируют мозг лучше, чем книги. Книга – это один информационный поток. Современные технологии позволяют получать несколько информационных потоков одновременно. Это совершенно другая рабочая память мозга, совершенно другие скорости переключения с одной задачи на другую» [Там же].

В основу викиномики положено пиринговое производство – способ производства товаров и услуг, основанный на самоорганизующихся сообществах, члены которых на основании добровольного сотрудничества собираются вместе для достижения

определенных целей. «Искусство и наука викиномики основаны на четырех мощных принципах – открытости, обмена идеями, равенства и глобальности: открытость – компании раскрываются и открывают границы внешним идеям и человеческим ресурсам; обмен идеями – интеллектуальная собственность как взаимный и общественный фонд. Некоторые активы защищены, к другим предоставлен открытый доступ; равенство – нет подчиненных и вышестоящих, при такой форме производства все сотрудники равны; глобальность – для совместной деятельности компаний нет региональных и физических границ» [Тапскотт, Уильямс 2009].

Однако потенциал викиномики может стать прогрессивным только в том случае, если мировое сообщество признает, **«что методы взаимодействия в науке (открытость, пиринг и обмен информацией) имеют коммерческую жизнеспособность, продуктивные возможности, а также могут быть движущим механизмом для частных компаний»** [Там же]. В истории науки и распространения знаний известно немало примеров создания, использования и применения людьми новых знаний и методов. Значительная часть открытий осуществлялась в рамках научных коллабораций, объединений ученых и представителей бизнеса. Информационные сети становятся незаменимыми для технологического прогресса. «Впервые в истории знания о природе становятся общественным достоянием. Научные успехи раскрываются в среде неформальных образовательных обществ и в обществе в целом» – отмечает Д. Тапскотт [Там же]. Наука стала общественной собственностью, а не эксклюзивным достоянием узкого привилегированного круга людей. Прежде всего это относится к исследованиям в области искусственного интеллекта.

Информационная революция привнесла в общество не только новые знания и идеи, но и улучшенный и более дешевый доступ к научным и образовательным инструментам. Авторы работы солидарны с Д. Тапскоттом в утверждении, что лучшие методы будут распространяться быстрее, совершенствоваться новые технологии. Расширится аудитория получателей нового знания. Для решения практических проблем можно будет использовать большее количество наработок, методик и технологий. Обратная связь между знаниями и технологиями способствует тому, что постоянная эволюция в науке и образовании все больше становится нормой, а не исключением из правил. Способность к самоорганизации усиливает человеческие возможности находить, доставлять, сортировать, оценивать и отбирать знания, а также продолжать увеличивать и развивать их. Такими путями движется формирование единого космоса знания. Современный российский ученый должен осознать необходимость включения в этот процесс, быть конкурентоспособным. Эпоха узких специалистов уходит и на смену ей приходит эпоха *homo universalis*, универсальной личности, полимата. Ученый должен пребывать в постоянном развитии, изменении, иметь знания из разных областей и уметь их применять. В этом будет состоять его успешность, а площадкой для его становления может стать новое интеллектуальное пространство.

Авторы начали работать над этой статьей задолго до начала эпидемии коронавируса. Но сама пандемия преподнесла несколько уроков, касающихся экономики знаний. Стало ясно, что нами руководит не благодушное отношение к сетевым структурам, а насущная необходимость.

Обстоятельство поставило перед нами вопросы: что такое российская экономика знаний, из чего она состоит? Верно ли, что в ее основе лежит система образования? Является ли продукт образования товаром или общественным благом? И, тогда, кто управляет контентом: корпорация или университет? Наконец, самое важное: что такое удаленная работа в системе образования? Здесь мы сталкиваемся с сетевым порождением знания. Ведь с точки зрения сетевой онтологии первичными считаются отношения, которые затем и определяют сущности. Знание получается в результате диалога двух сторон, при наличии мотивов у обеих. Ведь даже видеолекциями нельзя увлечь студентов или обеспечить их присутствие.

Сеть – это лабиринт, который постоянно перестраивается. Этот лабиринт можно каждый раз пройти разными путями. Тот, кто его преодолевает, должен научиться

постоянно корректировать представление, которое у него складывается, будь то представление об одной из локальных секций или регулирующее и гипотетическое представление, обладающее общей структурой, непознаваемой по синхроническим и диахроническим причинам. И мы уже не можем говорить о пребывании в ситуации платоновской пещеры. **Сеть – это древо, плюс бесконечные коридоры, соединяющие его узлы. Но вообще-то сеть лишена всякой иерархии, что отличает ее от Древа.**

Здесь особенно важна идея новой Александрийской библиотеки, то есть сети университетов и академических структур, которая в кризисных ситуациях обеспечивала бы непрерывную трансляцию знания.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Барикко 2019 – *Барикко А.* The Game. Игра. М.: Азбука-Аттикус: Колибри, 2019 (Baricco, Alrssandro, *The Game*, Russian Translation).

Боннар 1992 – *Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. 3. От Еврипида до Александрии / Пер. с фр. О.В. Волкова, Е.Н. Елеонской; под ред. В.И. Авдиева. М.: Искусство, 1992. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bonn3/11.php (дата обращения: 26.01.2020) (Bonnard, André, *Civilisation Greque*, Russian Translation).

Канфора 2018 – *Канфора Л.* Исчезнувшая библиотека. История Александрийской библиотеки. СПб.: Alexandria, 2018 (Canfora, Luciano, *La biblioteca scomparsa*, Russian Translation).

Лаример 2020 – *Лаример Дэн.* Технологические гиганты ведут мир в оруэлловскую антиутопию. URL: <https://forklog.com/den-larimer-tehnologicheskie-giganty-vedut-mir-v-oruellovskuyu-antiutopiyu/> (дата обращения: 26.01.2020) (Larimer, Daniel, *Tech Giants are Driving the World into an Orwellian Dystopia*, Russian Translation).

Рожанский 1988 – *Рожанский И.Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М.: Наука, 1988 (Rozhansky, Ivan D., *The History of Natural Science in the Era of Hellenism and the Roman Empire*, in Russian).

Тапскотт, Уильямс 2009 – *Тапскотт Д., Уильямс Э.Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. BestBusinessBooks, 2009. URL: <https://econ.wikireading.ru/70149> (дата обращения: 26.01.2020) (Tapscott, Don, Williams, Anthony D., *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*, Russian Translation).

Фуллер 2018 – *Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018 (Fuller, Steve, *The Sociology of Intellectual Life: the Career of the Mind in and around the Academy*, Russian Translation).

Хеллер-Розен 2018 – *Хеллер-Розен Д.* Разрушение традиции: об Александрийской библиотеке. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018 (Heller-Roazen, Daniel, *Tradition's Destruction: on the Library of Alexandria*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Миронов 2019 – *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.

Морщицина 2013 – *Морщицина Л.А.* Интернет-практики в научно-образовательной деятельности: к философии вопроса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 43–49.

Опенков 2007 – *Опенков М.Ю.* Хакни будущее: введение в философию общества знаний. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. URL: <https://www.ifap.ru/library/book251.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

Саврей 2011 – *Саврей В.Я.* Александрийская школа в философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2011.

Уколова 1989 – *Уколова В.И.* Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский // *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – начало VII века). М.: Наука, 1989. С. 196–276.

Харитонов 2006 – *Харитонов Л.А.* «Исидор Севильский». Историко-философская драма // *Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I–III. Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. С. 160–228.

References

- Azagra-Caro, Joaquín M. (2012) "Access to Universities' Public Knowledge: Who's More Nationalist?", *Scientometrics*, Vol. 91, Iss. 3, pp. 671–691.
- Bibliotheca Alexandrina. URL: <https://www.bibalex.org/en/Page/overview> (26.01.2020).
- Kharitonov, Leonid A. (2006) "Isidore of Seville. Historical and philosophical drama", *Isidorus Hispalensis, Etymologiae sive Origines*, Evraziya, Saint Petersburg, pp. 160–228 (in Russian).
- Kravchenko, Alla, Kyzymenko, Iryna (2019) "The Forth Industrial Revolution: New Paradigm of Society Development or Posthumanist Manifesto", *Philosophy and Cosmology*, Vol. 22, pp. 120–128.
- Marshal, James D. (2006) "Developing" the Self in the Knowledge Economy', *Studies in Philosophy and Education*, Vol. 27, Iss. 2–3, pp. 149–159.
- Mironov, Vladimir V. (2019) "Plato and the Modern Cave of Big Data", *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Philosophy and Conflictology*, Vol. 35, No. 1, pp. 4–24 (in Russian).
- Morshchikhina, Larisa A. (2013) "Internet Practics in Research and Education: Philosophical Aspects", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federalnogo Universiteta*. Serie: Humanities and Social Sciences, Vol. 6, pp. 43–49 (in Russian).
- Neal, James G. (2016) "Libraries as Convener, Enabler, Distributor, Advocate, and Archive in the Future Knowledge Economy", *Proceedings of the Charleston Library Conference*, URL: <http://dx.doi.org/10.5703/1288284316499>
- Openkov, Mikhail Yu. (2007) *Hackney Future: An Introduction to the Philosophy of Knowledge Society*, The Interregional Public Organization in Support of the UNESCO Program "Information for all", Moscow. URL: <https://www.ifap.ru/library/book251.pdf>, accessed 12.05.2020 (in Russian).
- Qvortrup, Lars (2007) "The Public Library: from Information Access to Knowledge Management: a Theory of Knowledge and Knowledge Categories", *Information Research*, Vol. 12, No. 4, URL: <http://informationr.net/ir/12-4/colis/colis17.html> (accessed 24.01.2020).
- Savrei, Valery Ya. (2011) *Alexandrian School in the History of Philosophical and Theological Thought*, KoMKniga, Moscow (in Russian).
- Ukolova, Victoria I. (1989) "The birth of medieval encyclopedism. Isidore of Seville", Ukolova, Victoria I. *Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages (late 5th – early 7th century)*, Nauka, Moscow, pp. 196–276 (in Russian).
- Young, Mitcnell (2015) "Building the Knowledge Economy in Europe: New Constellations in European Research and Higher Education Governance", *Journal of Contemporary European Research*, Vol. 11, No 1. URL: <https://www.jcer.net/index.php/jcer/issue/view/39/9> (accessed 24.01.2020).

Сведения об авторах

ОПЕНКОВ Михаил Юрьевич –
доктор философских наук, профессор
Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова.

КУДРЯШОВА Елена Владимировна –
доктор философских наук, профессор,
ректор Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова.

ЖГИЛЕВА Лариса Александровна –
кандидат философских наук, доцент
Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

OPENKOV Mikhail Yu. –
DSc in Philosophy, Professor
at the Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University.

KUDRYASHOVA Elena V. –
DSc in Philosophy, Professor
at the Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University.

ZHGILEVA Larisa A. –
CSc in Philosophy, Associate Professor
at the Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University.